

в виде предположения, подкрепленного созвучием фамилий и ссылкой на февральский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., где Достоевский разбирает речь Спасовича в защиту Кроуенберга (15, 586—587). Приведенные факты полностью это предположение подтверждают.

Интересно, что до сих пор не было дано истолкования явно смысловой фамилии «Фетюкович». Может быть, это объясняется тем, что ни одно из приводимых в различных словарях русского языка значений слова «фетюк» (разиня, рохля, простофиля; бездеятельный или глупый, несообразительный человек; угрюмый человек, брюзга) не подходит к блестящему столичному адвокату в зените его славы, прискакивавшему выступать на громком процессе в провинциальном городе. Однако если вспомнить примечание к этому слову в «Мертвых душах» («фетюк — слово, обидное для мужчины, происходит от Ф, буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою»³⁵), то можно заключить, что эта фамилия в романе несет в себе именно тот неприличный смысл, о котором говорил Гоголь, и таким образом тоже обыгрывает кличку «прелюбодей».

М. Д. ЭЛЬЗОН

ДВЕ ЗАМЕТКИ К РОМАНУ «БЕСЫ»

1

Как установлено Н. Ф. Будановой, одна из черновых записей Достоевского к «Бесам» могла быть результатом чтения «Очерков общественного движения при Александре I» А. Н. Пыпина (разделы 3—4, посвященные М. М. Сперанскому и Н. М. Карамзину) и полемической статьи Н. Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина» (12, 363). Четвертый раздел труда А. Н. Пыпина был посвящен конкретному разбору «Записки о древней и новой России». Анализ был произведен с явным намерением дискредитировать Н. М. Карамзина; «диалог» М. М. Сперанского и Н. М. Карамзина трактовался как извечный спор представителей двух поколений: «молодой» Сперанский противопоставлен здесь «консерватору» Карамзину.¹ Именно этот раздел вызвал резкую отповедь Н. Н. Страхова. «Карамзин, Карамзин! Какое чудесное имя, милостивый государь! — так начинает «Н. Косица» свое «Письмо в редакцию „Зари“». — Великий писатель, создатель русской истории, зачинатель нового периода нашей литературы, а главное — человек несравненный по мягкости и благородству души, друг царей, но верноподданный России — чего же еще нужно для

³⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 6. Л., 1951, с. 77, 734.

¹ Вестник Европы, 1870, № 9, с. 170—248.

самой чистой славы? <...> Я воспитан на Карамзине, <...> мой ум и вкус развивался на его сочинениях. Ему я обязан пробуждением своей души, первыми и высокими умственными наслаждениями».² Панегирик Карамзину завершался «пророчеством»: «Статью г. Пыпина будут защищать и превозносить без меры <...>, г. Тургенев с удовольствием прочитает ее в Баден-Бадене» (курсив мой, — М. Э.).

В письме к Н. Н. Страхову от 2(14) декабря 1870 г. (из Дрездена) Достоевский дал высокую оценку статье Пыпина, где «в первый раз так резко» высказано «то, о чем все молчали» (П., II, 300). Но при этом добавил: «К статье о Карамзине (Вашей — т. е. Страхова, — *Ред.*) я пристрастен, ибо такова почти была и моя юность, и я возрос на Карамзине. Я ее с чувством читал» (там же).

Все это делает вероятным, что фамилия «Кармазинов» появилась в «Бесах» после прочтения статьи Н. Н. Страхова, причем в ней объединились фамилии двух «западников» — Карамзина и Тургенева.

2

В главе «Петр Степанович в хлопотах» Достоевский следующим образом характеризует круг чтения молодого Верховенского: «— Вы, кажется, не так много читаете? — прошипел он (Кармазинов, — М. Э.), не вытерпев.

— Нет, не так много.

— А уж по части русской беллетристики — ничего?

— По части русской беллетристики? Позвольте, я что-то читал, читал... „По пути“... или „В путь“... или „На перепутье“, что ли, не помню. Давно читал, лет пять. Некогда» (10, 286).

В комментарии к эпизоду приведена запись из черновой тетради 1864—1865 гг.: «Нигилисты. Читами: „Откуда“, „Покуда“, „Накануне“, „Послезавтра“, „Зачем“, „Почему“» (12, 303—304). Легко догадаться, что первое и второе — пародийные переименования «Некуда» Н. С. Лескова (1864), а «Послезавтра» идентично предшествующему ему подлинному заглавию. Однако ни одно из них не соответствует приведенным «путевым» названиям. С большой натяжкой можно предполагать, что последние пародируют «Некуда»: их объединяет мотив дороги.

Однако в данном случае Достоевский был достаточно конкретен.

«В путь» — несомненно «В путь-дорогу!...» П. Д. Гоборыкина (СПб., 1864; в 3-х т.). Эта книга не входит теперь в «обойму» антинигилистических романов. Но вот что писал М. Е. Салтыков-Щедрин П. А. Некрасову 8 апреля 1865 г. (из Пензы): «Кстати:

² Заря, 1870, № 10, с. 207. — «Записка» характеризуется здесь как «огвержиопие всего, что не было и не могло быть сродни с русскою жизнью» (с. 220—221).

не желаете ли, чтобы я написал хорошие и милые рецензии на романы: „Некуда“, „В путь-дорогу“ и „Марево“? Я напишу. Если желаете, то пришлите мне самые романы, кои хотя я и читал, но все-таки недурно иметь их под руками».³ Этот замысел не был осуществлен.

Если роман П. Д. Боборыкина действительно мог быть прочитан Петром Верховенским «лет пять» назад, то «На распутьи» В. Г. Авсеенко, также относящийся к разряду антинигилистических романов, был впервые опубликован в «Заре» (1870, № 9—12) и вышел отдельным изданием в 1871 г. Роман был подвергнут резкой критике в «Отечественных записках» (1871, № 12).⁴ Иное мнение высказано в письме Достоевского к Н. Н. Страхову от 9(21) октября 1870 г. (из Дрездена): «Анна Григорьевна говорила мне, что роман Авсеенко хорош. Дай бог, прочту непременно» (П., II, 295).

Возможно, что и «По пути» имеет свой «прототип».

В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

1. По поводу песенки, которую в «Братьях Карамазовых» поет Смердяков (14, 203, 204, 206), Достоевский писал П. А. Любимову 10 мая 1879 г.: «Максей Смердяков поет лакейскую песню <...> Песня мною не сочинена, а записана в Москве. Слышал ее еще 40 лет назад. Сочинилась она у купеческих приказчиков 3-го разряда и перешла к лакеям, никем никогда из собирателей не записана и у меня в первый раз является» (П., IV, 54).

Песенка, записанная Достоевским, имеет, по-видимому, литературный источник и представляет собой его позднейшую мещанскую переработку. Ср. у С. П. Марина (1776—1813):

... Иль волшебной силой
Дух привержен к милой.
Господи помилуй!
Ее для меня <...>

Скучен свет без милой.
Век хочу быть с Лилой.
Господи помилуй!
Ее для меня.

См.: Марин С. П. Полн. собр. соч. М., 1948, с. 56. (Летопись Гослитмузея, кн. 10. Указано В. Я. Лакшиным).

2. Искаженный 27-й стих 117-го псалма «Бог-господь, и явился нам», который цитирует Иван (14, 226), звучит в церкви не во время литургии, но за всенощной (во второй ее части, утрени).

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. 18, кн. 1. М., 1975, с. 301.

⁴ Возможно, что автором рецензии был М. Е. Салтыков-Щедрин. См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. 9. М., 1970, с. 441—443, 606—607.

Это возглас дякона, подхватываемый хором (замечено Н. М. Любимовым).

3. Слова Ивана: «Я, ваше превосходительство, как та крестьянская девка „Захожу — вскоду, захожу — не вскоду“» (15, 116) — опираются на фольклорные записи В. И. Дали: «Хочу — вскоду, не хочу — не вскоду (в старину невеста говорила: хочу — вскоду и, соглашаясь идти замуж, прыгала через положенный кругом пояс или в наставленную юбку)». См.: Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 332.

4. Опровергая речь прокурора, Фетюкович обвиняет своего противника в излишнем психологизме, который заставляет его сочинять «роман» вместо объективного анализа дела: «<...> есть вещи, которые даже хуже, даже гибельнее в подобных случаях, чем самое злостное и преднамеренное отношение к делу. Именно, если нас, например, обуюет некоторая, так сказать, художественная игра, потребность художественного творчества, так сказать, создания романа <...>» (15, 154). В дальнейшем эти слова повторяются и вызывают ответную реплику прокурора: «...Нас упрекают, что мы насоздавали романов. А что же у защитника, как не роман на романе? Не доставало только стихов» и т. д. (15, 174). Этот мотив, вероятно, появился под влиянием аналогичных обвинений в судебной полемике между А. Ф. Кони и В. Д. Спасовичем. Кони так вспоминает об этом (ст. «Присмы и задачи прокуратуры»): «В моих „Судебных речах“ и в пятом томе сочинений Спасовича помещены судебные прения по делу Янсен и Акер, обвиняемых во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, и по делу Егора Емельянова, обвиняемого в утоплении своей жены, которые характеризуют присмы и способы борьбы между нами. По обоим делам последовали обвинительные приговоры. В деле Емельянова, по окончании судебного следствия, Спасович сказал мне: „Вы, конечно, откажетесь от обвинения: дело не дает вам никаких красок — и мы могли бы еще сегодня собраться у меня на юридическую беседу“. — „Нет, — отвечал я ему, — краски есть: они на палитре самой жизни“ <...> Несмотря на горячие нападения Спасовича на то, что он называл „романом, рассказанным прокурором“, присяжные согласились со мной, и Спасович подвез меня домой, дружелюбно беседуя о предстоявшем на другой день заседании Юридического общества». См.: Кони А. Ф. Собр. соч. в восьми томах, т. IV. М., 1967, с. 130.

5. В заключение своей речи Фетюкович повторяет слова Петра I из его Военского устава: «Лучше отпустить десять виновных, чем наказать одного невинного...» (15, 173). Ср. слова В. Д. Спасовича в одной из его речей: «Я мог бы заключить мою речь разными пошлостями, вроде той, что лучше оправдать десять виновных, нежели осудить одного невинного. Однако положение мое как защитника графа Моркова вовсе не столь отчаянное, чтобы прибегать к подобным избитым приемам». См.: Спасович В. Д. Собр. соч., т. V. Изд. 2-е, СПб., 1913, с. 66.